

Научная статья
УДК 398

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ТРИКСТЕРА В СКАЗОЧНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ТУВИНЦЕВ: АРЕАЛ БЫТОВАНИЯ И ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Зоя Б. Самдан

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, кандидат филологических наук, заведующая сектором литературоведения, Кызыл, Республика Тыва, Россия, samdan-zb@yandex.ru

Аннотация. В данной статье автор исследует проблему об общих истоках и особенностях развития сказочно-мифологической традиции тувинского этноса на примере образа трикстера. Предлагаемая статья была апробирована автором на научно-практической конференции “Зарубежные тувинцы: проблемы изучения истории, языка, фольклора и культуры”, которая была проведена Тувинским институтом гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (ТИГПИ) в 2024 г. в г. Кызыле. Консолидирующая цель данной конференции позволила с помощью сравнительно-исторического метода исследования выявить общие истоки происхождения южно-сибирских и цэнгэльских тувинцев на основе их сказочно-мифологической традиции.

На основе тувинских мифов и сказок, опубликованных в советское, постсоветское время, тувинских мифов и сказок, а также собранных в разное время в Туве и Монголии экспедиционных материалов, автор анализирует ареал бытования, локальные особенности и трансформацию образа трикстера в сказочно-мифологической традиции тувинцев.

В результате исследования автор приходит к выводу, что образ трикстера в устной традиции южно-сибирских и цэнгэльских тувинцев развивался в системе единой центрально-азиатской фольклорной общности тюрко-монгольских народов: имеет древние мифологические корни, широкий ареал бытования и локальные особенности.

Ключевые слова: тувинцы, мифы, сказки, образ трикстера, ареал бытования, локальные особенности, трансформация

Для цитирования: Самдан З. Б. «Трансформация образа трикстера в сказочно-мифологической традиции тувинцев: ареал бытования и локальные

особенности» // Азиатские исследования: история и современность. 2025. № 3 (15). С. 57–71. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-3-15-57-71

TRANSFORMATION OF THE TRICKSTER'S IMAGE IN FABULOUS MYTHOLOGICAL TRADITIONS OF THE TUVANS: AN AREA OF EXISTANCE AND LOCAL FEATURES

Zoya B. Samdan

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Candidate of Philological Sciences, Head of the Literary Studies Sector, Kyzyl, Republic of Tuva, Russia, samdan-zb@yandex.ru

Abstract. The author explores the problem of the common origins and features of the development of the fairy-tale and mythological tradition of the Tuvan ethnic group using the trickster image as an example. The proposed article was tested by the author at the scientific and practical conference “Foreign Tuvans: Problems of Studying History, Language, Folklore and Culture”, which was held by the Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (TIHASER) in 2024 in Kyzyl. The consolidating purpose of this conference made it possible, using the comparative historical research method, to identify the common origins of the origin of the South Siberian and Tsengel Tuvans on the basis of their fabulous and mythological tradition. Based on texts published in Soviet and post-Soviet times, Tuvan myths and fairy tales, as well as expedition materials collected at various times in Tuva and Mongolia, the author analyzes the range of existence, local features and transformation of the trickster image in the fairy-tale and mythological tradition.

As a result of the research, the author comes to the conclusion that the image of the trixer in the oral tradition of the South Siberian and Tsengel Tuvans developed in the system of a single Central Asian folklore community of the Turkic-Mongolian peoples: it has ancient mythological roots, a wide range of existence and local features.

Keywords: Tuvans, myths, fairy tales, trickster image, habitat, local features, transformation

For citation: Samdan, Z.B. (2025) “Transformation of the Trickster's Image in Fabulous Mythological Traditions of the Tuvans: an Area of Existence and Local Features” // Asian studies: History and Modernity, no. 3 (15), p. 57–71. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-3-15-57-71

Введение

Обращение коренных народов, живущих в составе больших многонациональных государств к своим истокам в настоящее время, в век глобализации, связано с жизненно важными и актуальными для них проблемами этно-культурного самосохранения. Решение этих проблем станет возможным, как полагают ученые, на основе тех знаний, которые выдержали испытание временем. Народы Центральной Азии, в том числе и тувинцы, вышли из кочевой цивилизации и удивительно бережно сохранили древние тенгрианско-шаманистско-буддийские верования, имеют потенциальные возможности определить культурно-религиозные истоки своей истории и на этой основе возродить свои духовные ценности.

Исторически сложилось так, что в настоящее время тувинцы проживают в 3-х государствах – России, Монголии и Китае. Испокон веков предки тувинцев кочевали на обширных просторах Центральной Азии, в предгорьях горных систем Танну-Ола и Алтая, их потомки остались жить на своих исконных территориях по сей день. Однако волею судеб и по объективным историческим факторам, сложившимися в XVIII-XIX вв., были разделены границами 3-х государств. Основная, более многочисленная, национально-образующая часть тувинского этноса проживает на территории Южной Сибири Российской Федерации в Республики Тыва (в науке их еще называют южно-сибирскими тувинцами), естественным образом составляет материнскую традицию их духовной культуры, в том числе сказочно-мифологическую.

Исследование проблем этнической общности тувинцев приобретало особую актуальность в связи с началом демократических перемен, происходящих за последние три десятилетия. За это время активизировались научные экспедиции учёных-гуманитариев Тувы к этническим тувинцам, проживающим в Монголии и Китае. В результате этих экспедиций была собрана определённая источниковедческая база, на основе которых была начата публикация научных статей, монографий, учебной литературы. Имеющиеся материалы дают возможность обратиться к более обобщающим, теоретическим вопросам исследования единых исторических корней и определения устойчивых фольклорных традиций тувинского этноса.

Большинство аутентичных текстов тувинских мифов и сказок зафиксировано в Туве, частично – во время экспедиций ТИГПИ и других научных учреждений к тувинцам Монголии и Китая. По большей части – у этнических тувинцев, проживающих в сумоне Цэнгэл Баян-Улэгейского аймака Монголии, где относительно устойчиво сохранились исконная лексика тувинского языка, а также непрерывная преемственность фольклорных традиций и обычаев.

В трудах наших предшественников – тувинских фольклористов А. К. Калзана, Д. С. Куулара, О. К. Дарымы и других по южно-сибирским тувинцам, а также немецкой фольклористки Э. Таубе по цэнгэльским тувинцам (она называет их алтайскими тувинцами) – сказочно-мифологическая традиция народа по сравнению с другими жанрами фольклора исследована относительно полно и последовательно [Калзан, 1964; Куулар, 1976; Таубе, 1994, Самдан, 1994].

Опираясь на эти источники, а также на вновь собранные экспедиционные материалы, мы в данной работе впервые предприняли попытку раскрыть истоки, ареал бытования и локальные особенности сказочно-мифологической традиции тувинцев на примере образа трикстера.

Необходимость обращения к образу трикстера была продиктована практическими проблемами тувинской фольклористики и этнопедагогики, возникшими в современных условиях. В связи со сложившейся за последние годы тревожной ситуацией, вызванной с ослаблением позиций тувинского языка в РТ, интерес тувинского читателя к текстам тувинских сказок возобновился в соответствии с вызовами современной действительности. С одной стороны, такое пристальное внимание к родному фольклору – позитивный сигнал, подтверждающий интерес к текстам тувинской сказки как к классическим образцам тувинского языка с богатой лексикой, как источнику сюжетов для создания мультимедийных проектов (аудио-, видеофильмов) средствами современных технологий. С другой стороны, возникла тревожная тенденция ошибочного восприятия современными читателями подлинного смысла древних сказочных сюжетов и образов. Родители и педагоги стали задавать нам, исследователям сказки, некоторые весьма противоречивые вопросы, связанные с восприятием и интерпретацией сказки современными читателями. Так, например, они спрашивают: *“Почему в сюжете тувинских сказок много персонажей, олицетворяющих образы хитрецов, обманщиков, дураков, которые совершают несуразные, вероломные, порой жестокие действия? Как объяснять детям проделки этих персонажей? Как правильно использовать эти сказки в воспитании детей?”*.

Ответить на эти сложные вопросы можно, лишь обратившись к теоретическим трудам отечественных и зарубежных ученых по фольклористике и культурологии. Это труды М. М. Бахтина [Бахтин, 1965; 1972], В. Я. Проппа [Пропп, 1976; 1986], Д. С. Лихачева и др. [Лихачев, и др., 1984], Е. М. Мелетинского [Мелетинский, 1976; 1994], К. Г. Юнга [Юнг, 1996], К. Леви-Стросса [Леви-Стросс, 1983], П. Радина [Радин, 2023] и др. В своих трудах эти ученые основательно исследовали феномен мифологического мышления древних людей, ярко выраженный в образе трикстера.

Кто такой трикстер?

Согласно определению исследователя поэтики древних текстов, российского литературоведа Н. Д. Тамарченко, трикстер характеризуется следующим образом: *«Трикстер (англ. trickster – обманщик, ловкач) – один из двух универсальных типов персонажа в мифе, фольклоре и литературе; двойник – антипод (в архаике – близнец) так называемого «культурного героя»... Трикстер, в противоположность своему антагонисту, наделён комплексом негероических, зачастую прямо комических свойств: деструктивной инициативой, ленью, хитростью, глупостью, способностью обманывать и становиться жертвой обмана, гротескной телесностью (что может проявляться в обжорстве, пьянстве и гиперсексуальности) и парадоксальностью суждений, склонностью к насмешке и пародированию, включая и самоосмеяние (шутовство)»* [Тамарченко 2008, с. 271].

Этот персонаж и темы о нем необычайно популярны у людей со времен зарождения цивилизации. В наиболее ранней и архаической форме трикстер предстаёт как творец и разрушитель, дающий и отвергающий, обманщик и жертва обмана.

Миф о трикстере, как полагают ученые, проявляет себя в мифологии как простейших, так и более сложно организованных племен аборигенов. Миф о трикстере был распространён у древних греков, у китайцев, японцев, а также у семитских народов.

В мифологии и фольклоре разных народов фигура трикстера воплощена в масках народного театра (Арлекин, Петрушка), в типах плута, шута и дурака народной сказки, «бытовой» и кумулятивной.

Смех, юмор и ирония пронизывают все поступки этого персонажа. Основной смысл комического характера трикстера как плута, шута, дурака ученые объясняют как скрытую мудрость. Д. С. Лихачев, например, пишет: *«Функция смеха – обнажать, обнаруживать правду...», «Дурость – это обнажение ума от всех условностей, от всех форм, привычек», «Дурак – прежде всего человек, видящий и говорящий «голую правду»* [Лихачев, 1984, с. 15-16].

Американский антрополог, фольклорист Пол Радин на основе исследований мифов американских индейцев определяет трикстера как персонажа мифа, который представляет собой древнейшее выражение человеческой мысли. Объясняя поведение и поступки этого удивительного персонажа, он выдвигает гипотезу об архаическом зеркале разума, в котором отражается борьба человека с самим собой [Радин, 2023].

Такое архаическое зеркало разума как проблема несет преимущественно психологический характер. Надо рассматривать фигуру трикстера как попытку человека ответить на мучающие его внутренние вопросы и решить внешние проблемы.

Как видно из исследований, образ трикстера в более поздней интерпретации, как отголосок древних мифов, чрезвычайно популярен в народных сказках. Самым популярным персонажем русских сказок является Иван-дурак. У народов Востока сказочный персонаж также широко распространён: всем известен цикл индийских сказок о хитроумном Бирбале, фигура Насреддина у среднеазиатских народов, популярны персонажи монголоязычных народов Балан-Сэнгэ, Будамшу и другие.

В повествовательных жанрах тувинского фольклора достаточно широко распространён образ трикстера (*овуузуннуг маадырның омур-хевир*) как отдалённый отголосок мифа в форме универсального типа сказочного персонажа.

Наиболее близким к мифологическим истокам, на наш взгляд, является тувинская новеллистическая сказка “Чечен-Маанай, Тенек-Дулун” (Умный Маанай и Глупый Дулун) (зап. О.К. Дарымы у сказителя О. Манная), в которой повествуется о 2-х братьях, один из которых дает полезные поручения младшему, а тот выполняет их пародаксально глупо и в конце концов погибает [Чечен-Маанай, Тенек-Дулун, 1994, с. 324-332].

Ареал бытования образа трикстера и сюжетов о нём в тувинской сказочно-мифологической традиции ранее был весьма широк. Об этом свидетельствуют тексты, зафиксированные у тувинцев, проживающих вокруг Тандинского и Алтайского нагорья еще в XIX – нач. XX вв. дореволюционными путешественниками, участниками экспедиций Русского географического общества Г. Н. Потаниным, В. В. Радловым, Н. Ф. Катановым и др. [Потанин, 1881-1884. Вып. IV, с. 552; Радлов, 1866-1907, IX, с. 101; Катанов, 1903, с. 972].

В сборниках сказок, опубликованных фольклористами Тувы еще в советский период, сюжеты с персонажем трикстера довольно широко отражены в волшебных, новеллистических, бытовых сказках и сказках о животных. Это такие сказки, как волшебные – “Аргалыкты, Күжүлүктү” (“Хитрец и Силая”) [“Аргалыкты, Күжүлүктү” // Тыва тоолдар, 1957, с. 151-158], “Дөң-Хөөжүк” [Дөң-Хөөжүк // Аксагалдай ашак, 1992, с. 55-57]; новеллистическая сказка “Чечен-Маанай, Тенек-Дулун” [“Умный Чечен и Глупый Дулун” // Тувинские народные сказки, 1994, с. 324-332]; сказки о животных – “Сорока и Лисенок” // [“Сорока и Лисенок” // Тувинские народные сказки, 1954, с. 24-29; “Оскюс-оол и черные вороны” [“Оскюс-оол и черные вороны” // Тувинские народные сказки, 1964, с. 81-85], «Суд над волком» [«Суд над волком” // Тувинские народные сказки // Тувинские народные сказки, 1964, с. 115-118] и др.

Образ трикстера относительно устойчиво сохранился также в сказках тувинцев, проживающих в с. Цэнгэл Монголии. Тексты и исследования

Э. Таубе и Г. Золбаяра [Золбаяр, 1993] о сказках цэнгэльских тувинцев даёт возможность провести сравнительный анализ этих сказок с материнской традицией южно-сибирских тувинцев.

Наибольшую устойчивость и распространенность в цэнгэльской сказочной традиции имеет образ Лисенка (Дилгижек-оола). В сборнике Э. Таубе “Сказки и предания алтайских тувинцев” опубликовано три варианта сказки “Дилгижек-оол”: “Лисенок”, “Лукавый лисенок”, “Хитрый лисенок” [Таубе, 1994]. В комментариях к сборнику она приводит типологический анализ этих текстов со сказками южно-сибирских тувинцев и других народов Центральной Азии. Особо ценное заключение Э. Таубе о древних истоках сказочно-мифологической традиции тувинцев, на наш взгляд, содержится в следующих её комментариях к сказке “Лисёнок”: *“... В алтайско-тувинских сказках обнаруживаются элементы, по-видимому уходящие корнями в эпоху охотничьей культуры, мы видим это на примере сказок о лисенке... Может быть и мотив убийства путем оттеснения к краю пропасти отражает широко практиковавшиеся в древности методы охоты, когда дичь загоняли на край пропасти? Не было ли первоначальной целью рассказывания историй о койотах у индейцев-скиди Северной Америки (Пропп, с. 359), способствовать переходу ловкости животного, героя сказки, на рассказчика или его слушателей, ведь такое рассказывание сказок на охотничьих стоянках обязательно вплоть до сегодняшнего дня?... чем больше приводится примеров хитрости и изворотливости лисы, тем более этих качеств может перейти на человека, а для того, что он собирается предпринять, это необходимо”* [Таубе, 1994, с. 347].

Во время экспедиции в с. Цэнгэл в 1988 и 2002 г.г. мы записали сказку “Дилгижек-оол” (“Мальчик-Лисенок”) от учителя Чинака оглу Гагаа [Научный архив ТИГПИ, ФФ, т. 300, Д. 2150], а в 2007 г. от его жены Дойтон Долгар, дочери Сансармы и внука Балжаа, а также повторную запись этой сказки от информанта Дамбий оглу Байыра [Научный архив ТИГПИ, ФФ, т. 310, Д. 2210].

Мотив убийства путем оттеснения к краю пропасти в сюжете сказки “Лисенок”, записанный Э. Таубе в 1969 г. в Цэнгэле, сохранился почти в неизменном виде в сюжете сказки “Мальчик-Лисенок”, зафиксированном нами в 2007 г. там же. Незначительно видоизменились некоторые художественные средства, например, в описании меха или хребта Медведя, обманутого Лисенком: *“— Дедушка, дедушка, огонь выжигает дыры в моем **бело-рыжем** меху, а ведь он должен украшать юношей! Пожалуйста, подвиньтесь чуть-чуть! ... мой **рыжий** мех, а ведь он должен украшать девушек...”* [Лисенок // Таубе, 1994, с. 270-271] *~ “Ах, дедушка, **красный мой хребет**, нужный для девушек, **черный мой хребет** нужный для юношей, огонь обжигает,*

немного подвиньтесь, пожалуйста [Мальчик-Лисенок // Подношение в серебряной чаше, 2018, с. 56-57].

Вышеприведённые версии сюжетов о трикстере у южно-сибирских и цэнгэльских тувинцев свидетельствуют о широком ареале их бытования, подтверждающем устойчивость этого образа в сказочно-мифологической традиции тувинцев.

Сравнительный анализ версий сказки о Лисёнке, зафиксированных в разных районах Тувы и сумоне Цэнгэл, дает возможность выявить общие и локальные особенности бытования сказочных сюжетов о трикстере. Основная сюжетная канва этих версий во многом совпадает: Лисенок обладает такими типичными проявлениями характера трикстера как хитрость, склонность к обману, ловкость, жестокость. Локальные особенности образа трикстера в основном касаются некоторых мотивов в сюжете сказки, изобразительно-художественных средств описания, диалектных особенностей языка (*ашак ~ ашкыяк, кадайы ~ хоочуну, Чылбыга – Чилбиге, чоруур ~ чоруукай* и т.д. и т.п.).

Как видим, сюжет о Лисёнке у цэнгэльских тувинцев относительно устойчив и сохранился до сегодняшнего дня. Об этом свидетельствует также наличие повторных записей от нескольких информантов разного поколения, произведенные в 1960-70-е гг. Э. Таубе, в 1990-е г. Г. Золбяром, а также в 1988, 2002 и 2007 гг. участниками научной экспедиции ТИГПИ. Это объясняется тем, что быт, традиции цэнгэльских тувинцев продолжают формироваться в условиях доминирования традиционного животноводства. Цэнгэльцы живут на относительно изолированной от влияния современной цивилизации территории, имеют устойчивые способы хозяйствования (охота, скотоводство) и прочно устоявшиеся духовные традиции.

Сказки о трикстере помимо того, что выполняли религиозные и развлекательные функции, они имеют, прежде всего, непреходящее воспитательное значение во все времена. Они воспитывают в детях умение различать добро и зло: с одной стороны прививают навыки смекалки, находчивости, игривости, с другой – чувства неприятия и отвращения к обману, хитрости, жестокости. Эти сюжеты в современных условиях являются богатым источником для художественной интерпретации в сатирических жанрах современной тувинской литературы (напр., литературные переложения тувинских сказок в произведении писателя Б.Б. Чудука “Овуузуннуг Оюн-Билик” ~ “Хитроумный Оюн-Билик”), а также в других видах искусства (в кукольном театре, цирке, пантомиме, карнавальных масках и т.д.).

В исследовании образа трикстера мы предприняли только первые шаги, требуется дальнейшее его углубленное изучение. Учитывая неоднозначный интерес современных читателей к образу трикстера, необходимо

издать тексты об этом персонаже в отдельном сборнике сказок с научными комментариями.

Заключение

В результате анализа образа трикстера в сказочно-мифологической традиции тувинцев можно сделать следующие выводы.

Сказочно-мифологическая традиция тувинцев развивалась с древнейших времен и сохранилась до настоящего времени в сказочной прозе южно-сибирских и цэнгэльских тувинцев, что свидетельствует об общих истоках происхождения тувинского этноса в системе центрально-азиатской фольклорной общности тюрко-монгольских народов.

Образ трикстера сохранился как отголосок древнего мифа, отраженный в разных жанрах сказки, в особенности в сказках о животных.

Древний архетипический тип мифологического персонажа, отличающийся синкретичностью, трансформировался в сказочный образ.

Ареал бытования образа трикстера относительно широко был распространен у южно-сибирских тувинцев, частично сохранился у цэнгэльских тувинцев.

Об устойчивости сказок о трикстере свидетельствуют повторные записи разных версий одного сюжета от представителей разных поколений информантов в разное время;

Локальные особенности в изображении образа трикстера у южно-сибирских и у цэнгэльских тувинцев наблюдаются в различии некоторых мотивов в сюжете, художественных средств и диалектных отличий в языке;

Устойчивость образа трикстера в сказочно-мифологической традиции тувинцев свидетельствует о востребованности этого образа, который имеет непреходящее воспитательное значение во все времена.

Литература:

1. Бахтин 1965 – Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанс. М., 1965. 527 с.
2. Бахтин 1973 – Бахтин, М. М. Искусство слова и народная смеховая культура (Рабле и Гоголь) // Контекст: Литературно-теоретические исследования. – 1972. М., 1973. С. 248–259.
3. Калзан 1961 – Калзан, А. К. О послереволюционном тувинском фольклоре // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1961. Вып. IX. С. 253–259.
4. Калзан 1964 – Калзан, А.К. О фольклоре Монгун-Тайги // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1964. Вып. XI. С. 305–310.
5. Куулар 1976 – Куулар, Д. С. Сказки // Очерки тувинского фольклора. Кызыл, 1976. С. 44–65 (на тув. яз.).

6. Леви-Стросс 1983 – Леви-Стросс, К. Структурная антропология. М., 1983. 556 с.
7. Лихачев 1984 – Лихачев, Д. С. и др. Смех в древней Руси. / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Понырков. М., 1984. 297 с.
8. Мелетинский 1976 – Мелетинский, Е. М. О литературных архетипах. М., 1994. 136 с.
9. Мелетинский 1976 – Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа. М., 1976. 407 с.
10. Пропп, В.Я. Ритуальный смех в фольклоре // Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 174–204.
11. Пропп 1986 – Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. 370 с.
12. Радин 2023 – Радин, П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев [с комментариями К. Кереньи и К.Г. Юнга] / Пол Радин: пер. с англ. В.В. Кирющенко. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательская группа «Альма-Матер»; Издательство «Альма-Матер». 2023. 250 с. (Методы антропологии).
13. Самдан 1994 – Самдан, З. Б. Мир тувинской сказки // Тувинские народные сказки / сост. З.Б. Самдан. Новосибирск: Наука, 1994. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). С. 10–34.
14. Самдан 2020 – Самдан, З. Б. Трансформация сказочных жанров в фольклоре цэнгэльских тувинцев в условиях современного бытования // Цэнгэльские тувинцы: фольклор и литература: коллектив. моногр. / У.А. Донгак [и др.]; науч. ред. Г. Золбаяр, Б. Баярсайхан; отв. за вып. У.А. Донгак. Новосибирск: Наука, 2020. С. 70–82.
15. Тамарченко 2008 – Тамарченко, Н. Д. Трикстер // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. М.: Издательство Кулагиной; Lntada, 2008. С. 271–275.
16. Таубе 1994 – Таубе, Э. Предисловие и Комментарии // Сказки и предания алтайских тувинцев. Собраны Эрикой Таубе. Авторизованный перевод с немецкого Б.Е. Чистовой. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. – 382 с. («Сказки и мифы народов Востока»). – с. 5-50; с. 346-347.
17. Юнг 1996 – Юнг, К. Г. Психология образа трикстера // Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1996. 384 с.

Источники:

1. Аргалыкты биле Күжүлүктү (Хитрец и Силач) // Тыва тоолдар (Тувинские сказки). Выпуск IV / сост. А. Калзан, Д. Куулар. – Кызыл, 1957. – С. 151-158.
2. Дөң-Хөөжүк // Аксагалдай ашак. Тыва хуулгаазын тоолдар (Старик Аксагалдай. Тувинские волшебные сказки). Т. I / сост. З.Б. Самдан. – Кызыл, 1992. – С. 55-57.

3. Золбаяр Г. Алдын дагша: Улустун аас чогаалы [Золотая чаша: Фольклор цэнгэльский тувинцев]. – Кызыл, 1993. – 96 ар.
4. Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. – Казань, 1903. – С. 972.
5. Лисенок // Сказки и предания алтайских тувинцев... / сост. Э. Таубе. – М.: 1994, С. 270.
6. Лукавый лисенок // Там же. – С. 268-269.
7. Мальчик-Лисенок // Подношение в серебряной чаше: сборник фольклорных и литературных произведений тувинцев Цэнгэла (Монголия) / авторы-сост., переводчики З.Б. Самдан и др. – Новосибирск: Наука, 2018. – С. 53-58.
8. Мөңгүн дагша: Сеңгел тываларының аас чогаалы болгаш чечен чогаалы – [Серебряная чаша: Фольклор и литература цэнгэльских тувинцев] / сост. У.А. Донгак и др. – Улаанбаатор – Кызыл, 2013. – 264 ар.
9. Научный архив ТИГПИ, ФФ, т. 300, Д. 2150.
10. Научный архив ТИГПИ, ФФ, т. 310, Д. 2210.
11. Оскюс-оол и черные вороны // Тувинские народные сказки. Выпуск III / сост. А.К. Калзан. – Кызыл, 1964. – С. 81-85.
12. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 1-4. – СПб., 1883. Вып. IV. – С. 552, № 168.
13. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи Ч. 1-10. – СПб., 1866-1907; IX, с. 101, № 897.
14. Сорока и Лисенок // Тувинские народные сказки / Сост. И.А. Плоткина. – Кызыл, 1954. – с. 24-29.
15. Старая сорока // Тувинские народные сказки. Выпуск третий / Сост. А.К. Калзан. – Кызыл, 1964. – С. 109-114.
16. Суд над волком // Тувинские народные сказки. Выпуск третий / Сост. А.К. Калзан. – Кызыл, 1964. – С. 115-118.
17. Таубе Эрика. Сказки и предания алтайских тувинцев. Собраны Эрикой Таубе. Авторизованный перевод с немецкого Б.Е. Чистовой. – М.: Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 1994. – 382 с. – (“Сказки и мифы народов Востока”).
18. Хитрый лисенок // Сказки и предания алтайских тувинцев / сост. Э. Таубе. – М.: 1994. – С. 266-268.
19. Чечен-Маанай, Тенек-Дулун – Умный Маннай и Глупый Дулун // Тувинские народные сказки / сост. З.Б. Самдан. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 324-332.

References:

1. Bahtin, M. M. (1965) "Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura sred-nevekov'ya i Rennessans" [The Work of Francois Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance], Moscow, p. 527. (In Russ.).
2. Bahtin, M. M. (1973) "Iskusstvo slova i narodnaya smekhovaya kul'tura (Rable i Gogol)" [The Art of Speech and Folk Laughter Culture (Rabelais and Gogol)] Moscow, Kontekst: Literaturno-teoreticheskie issledovaniya. – 1972, p. 248-259. (In Russ.).
3. Kalzan, A. K. (1961) "O poslerevolucionnom tuvinskom fol'klore" [About the Post-revolutionary Tuvan Folklore], Kyzyl, *Uchen. zap. TNIIYALI*, no. IX. p. 253–259. (In Russ.).
4. Kalzan, A. K. (1964) "O fol'klore Mongun-Tajgi" [About the Folklore of Mongun Taiga], Kyzyl, *Uchen. zap. TNIIYALI*, vyp. XI. p. 305–310. (In Russ.).
5. Kuular D. S. (1976) "Skazki" [Fairy tales], Kyzyl, *Ocherki tuvinskogo fol'klo-ra*, p. 44–65. (In Tuv.).
6. Levi-Stross, K. (1983) "Strukturnaya antropologiya" [Structural Anthropology], Moscow, p. 556. (In Russ.).
7. Lihachev, D. S. (1984) i dr. "Smekh v drevnej Rusi" [Laughter in Ancient Russia], D. S. Lihachev, A. M. Panchenko, N. V. Ponyrko, Moscow, p. 297. (In Russ.).
8. Meletinskij, E.M. (1994) "O literaturnyh arhetipah" [About literary Archetypes], Moscow, 136 p. (In Russ.).
9. Meletinskij, E.M. (1976) "Poetika mifa" [The Poetics of Myth], Moscow, p. 407 p. (In Russ.).
10. Propp, V.YA. (1976) "Ritual'nyj smekh v fol'klore" [Ritual Laughter in Folklore], Moscow, Propp V.YA. *Fol'klor i dejstvitel'nost'*, p.174-204. (In Russ.).
11. Propp, V. YA. (1986) "Istoricheskie korni volshebnoj skazki" [The Historical Roots of the Fairy Tale], Leningrad, p. 370. (In Russ.).
12. Radin, P. (2023) "Triksster. Issledovanie mifov severoamerikanskikh indejcev (s kommentariyami K. Keren'i i K.G. Yunga)" [The Trickster. A Study of the Myths of the North American Indians (With Comments by K. Kerenyi and K.G. Jung)], Pol Radin: per. s angl. V.V. Kiryushchenko, Moscow, izd. no. 2, ispr. i dop.: Izdatel'skaya gruppa "Al'ma-Mater"; Izdatel'stvo "Al'ma-Mater", Metody antropologii, p. 250. (In Russ.).
13. Samdan, Z. B. (1994) "Mir tuvinskoj skazki" [The World of the Tuvan Fairy Tale], Tuvinskie narodnye skazki, sost. Z.B. Samdan, Novosibirsk, Nauka, Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka, p. 10–34. (In Russ.).
14. Samdan, Z. B. (2020) "Transformaciya skazochnyh zhanrov v fol'klore cengel'skih tuvincev v usloviyah sovremennogo bytovaniya" [Transformation of Fairy-tale Genres in Folklore of Tsengel Tuvans in the Conditions of Modern

Existence], Cengel'skie tuvincy: fol'klor i literatura: kollektiv, monogr. U.A. Dongak [i dr.]; nauch. red. G. Zolbayar, B. Bayarsajhan; otv. za vyp. U.A. Dongak. Novosibirsk, Nauka, p. 70–82. (In Russ.).

15. Tamarchenko, N. D. (2008) “Triksster” [The Trickster], Poetika: slov. aktual. terminov i ponyatij, gl. nauch. red. N.D. Tamarchenko, Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoj, Lntada, p. 271–275. (In Russ.).

16. Taube, E. (1994) “Predislovie i Kommentarii” [Preface and Comments], Skazki i predaniya altajskih tuvincev. Sobrany Erikoj Taube. Avtorizovannyj perevod s nemeckogo B.E. CHistovoj, Moscow, Izdatel'skaya firma “Vostochnaya literatura” RAN, p. 382, (“Skazki i mify narodov Vostoka”), p. 5-50, p. 346–347. (In Russ.).

17. Yung, K. G. (1996) “Psihologiya obraza trikstera” [The Psychology of the Trickster Image], Yung K.G., Dusha i mif: shest' arhetipov, Kiev, p. 384. (In Russ.).

Sources:

1. “Argalykty bile Kyzhylykty (*Hitrec i Silach*)” (1957) [Argalykty bile Kuzhuluktu (The Cunning Man and the Strong Man)], Kyzyl, Tyva tooldar (Tuvinskie skazki), vypusk IV, sost. A. Kalzan, D. Kuular, p. 151-158. (In Tuv.).
2. “Doң-Hoozhyk” (1957) [The Hillock], Kyzyl, Aksagaldaj ashak. Tyva huulgaazyn tooldar (Starik Aksagaldaj. Tuvinskie volshebnye skazki), T. I, sost. Z.B. Samdan, p. 55-57. (In Tuv.).
3. Zolbayar, G. (1993) “Aldyn dagsha: Ulustung aas chogaaly [Zolotaya chasha: Fol'klor cengel'skih tuvincev]” [Aldyn dagsha: folklore – The Golden Bowl: Folklore of the Tsengel Tuvans], Kyzyl, p. 96. (In Russ.).
4. Katanov, N.F. (1903) “Opyt issledovaniya uryanhajskogo yazyka s ukazaniem glavnejshih rodstvennyh otnoshenij ego k drugim yazykam tyurkskogo kornya” [The Experience of Studying the Uriankhai Language With an Indication of Its Main Kinship With Other Languages of the Turkic Root], Kazan', p. 972. (In Russ.).
5. “Lisenok” (1994) [The Fox Cub], Skazki i predaniya altajskih tuvincev..., sost. E. Taube, Moscow, p. 270. In Russ.).
6. “Lukavyj lisenok” (1994) [The Sly Little Fox], Skazki i predaniya altajskih tuvincev..., sost. E. Taube, Moscow, p. 268-269. (In Russ.).
7. “Mal'chik-Lisenok” (2018) [The Fox Cub Boy], Podnoshenie v serebryanoj chashe: Sbornik fol'klornyh i literaturnyh proizvedenij tuvincev Cengela (Mongoliya), avtory-sost., perevodchiki Z.B. Samdan i dr., Novosibirsk, Nauka, p. 53-58. (In Russ.).
8. “Mөңгүн dagsha: Сеңгел туваларынун аас чогаалы болгаш чечен чогаалы

- Serebryanaya chasha: Fol'klor i literatura cengel'skih tuvincev” (2013) [Silver Bowl: Folklore and literature of the Tsengeli Tuvinians], sost. U.A. Dongak i dr., Ulaanbaator – Kyzyl, p. 264. (In Russ.).
9. “Nauchnyj arhiv TIGPI” [TIGPI Scientific Archive], FF, t. 300, D. 2150.
10. “Nauchnyj arhiv TIGPI” [TIGPI Scientific Archive], FF, t. 310, D. 2210.
11. “Oskeyus-ool i chernye vorony” (1964) [Oskeyus-ool and the Black Crows], Kyzyl, tuvinskie narodnye skazki. vyp. 3, sost. A.K. Kalzan, p. 81-85. (In Russ.).
12. Potanin G.N. (1881-1884) “Ocherki Severo-Zapadnoj Mongolii. Vyp. 1-4.” [Sketches of North-Western Mongolia. Issues 1-4.], Saint Petersburg, . vyp. 4, p. 552, no. 168. (In Russ.).
13. Radlov, V.V. (1866-1907) “Obrazcy narodnoj literatury tyurkskih plemen, zhivushchih v YUzhnoj Sibiri i Dzungarskoj stepi CH. 1-10.” [Samples of Folk Literature of the Turkic Tribes Living in Southern Siberia and the Dzungarian Steppe Parts 1-10.], Saint Petersburg, vyp. 9, p. 101, no. 897. (In Russ.).
14. “Soroka i Lisenok” (1954) [The Magpie and the Fox Cub], Tuvinskie narodnye skazki, sost. I.A. Plotkina, Kyzyl, p. 24-29. (In Russ.).
15. “Staraya soroka” (1964) [The Old Magpie], Tuvinskie narodnye skazki, vyp. 3, sost. A.K. Kalzan, Kyzyl, p. 109-114. (In Russ.).
16. “Sud nad volkom” (1964) [The Trial of the Wolf], Tuvinskie narodnye skazki, vyp. 3, sost. A.K. Kalzan, Kyzyl, p. 115-118. (In Russ.).
17. Taube, Erika. (1994) “Skazki i predaniya altajskih tuvincev. Sobrany Erikoj Taube. Avtorizovannyj perevod s nemeckogo B.E. Chistovoj” [Fairy Tales and Legends of Altai Tuvans. Collected by Erica Taube. Authorized Translation From German by B.E. Chistova], Moscow, Izdatel'skaya firma “Vostochnaya literatura” RAN, p. 382. (“Skazki i mify narodov Vostoka”) (In Russ.).
18. “Hitryj lisenok” (1994) [The Sly Little Fox], Skazki i predaniya altajskih tuvincev, sost. E. Taube, Moscow, p. 266-268. (In Russ.).
19. “Chechen-Maanaj, Tenek-Dulun – Umnyj Mannaj i Glupyj Dulun” (1994) [Smart Mannai And Stupid Dulon], Tuvinskie narodnye skazki, sost. Z.B. Samdan, Novosibirsk, Nauka, p. 324-332. (In Russ.).

Информация об авторе:

*Зоя Б. Самдан, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Республика Тыва, Россия Кызыл, Россия; Россия, Республика Тыва, 667000, ул. Кочетова, д. 4.
E-mail: samdan-sn@yandex.ru
РИИЦ Author ID: 792943*

Information about the author:

Zoya B. Samdan, Cand. of Sci. (Philology), Leading Researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4 Kochetov str., Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russia.

E-mail: samdan-sn@yandex.ru.

© Самдан З. Б. 2025